

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ
ИЛЬЯ ИЛЬФ
ВИЦЕ-КОРОЛЬ

**Илья Арнольдович Ильф
Евгений Петрович Петров
Вице-король
Серия «Водевили»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174023

1001 день, или Новая Шахерезада: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-27789-6

Аннотация

«Комната Берлаги. Портреты родственников в котелках и пасхальных цилиндрах. Телефон. Зеркало. Письменный стол...»

Содержание

Действие первое
Действие второе

5
11

**Илья Ильф,
Евгений Петров**
Вице-король

Водевиль в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гражданин Берлага – вице-король Индии.

Его шурин – бедовый человек.

И.Н. Старохамский – он же Кай Юлий Цезарь, быв. присяжный поверенный.

Гражданин Диванов – женщина-мужчина. Усатый.

Тихон Маркович – человек-собака.

Молодая докторша – психиатр.

Санитары. Студенты.

Действие первое

Комната Берлага. Портреты родственников в котелках и пасхальных цилиндрах. Телефон. Зеркало. Письменный стол.

Берлага (*говорит потелефону*). Да... да... Сегодня на службу не могу прийти. Болен. Чем? Еще не знаю, но, наверное, чем-нибудь болен... да... да... Что? Кого, кого? Уже вычистили? Побирухина вычистили по второй категории? Ай-яй-яй! Вот наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс! А наш отдел когда чистится? В среду? Что? Меня на персональную?! (*Входит шурин. Берлага оглядывается, вешает трубку.*) Ну, это уже черт знает что такое! Что Побирухина вычистили, это я еще понимаю, у него родители не в порядке, но меня... (*Крестится.*)... Ей-богу, это недопустимый перегиб.

Шурин. Что случилось?

Берлага. Случилось то, что меня хотели вычистить, дай бог, чтоб по второй категории.

Шурин (*спокойно*). Тебя вычистят по первой.

Берлага. Почему по первой? Это недопустимое явление! (*Хорохорится.*)

Шурин (*спокойно*). Это допустимое явление. Поверь родному шурину. Человека, который имел собственную фабри-

ку, а в анкете написал, что он пролетарий умственного труда, чистят с песочком.

Берлага. С песочком!..

Шурин. С наждачком. И тебя вычистят. Бог правду видит, не беспокойся.

Берлага. Кто же мог знать, что будет революция? Люди устраивались как могли. Кто имел аптеку, а кто фабрику. И в этом, в конце концов, не было ничего плохого. Кто мог знать?

Шурин. Надо было знать.

Берлага. Че-е-стное слово, такое время настало, что с удовольствием дал бы самому себе по морде. А кто виноват? Франц Меринг. Фердинанд Лассаль и этот... как его... Ну, этот... анархист... Вот забыл фамилию... Ну, эта, бывшая Пречистенка... Да! Кропоткинская! Вот кто виноват!

Шурин (*задумчиво*). Приходится вариться в собственном соку.

Берлага (*вотчаянии*). Где же выход из этого исхода? Ведь вычистят?

Шурин. Берлага, тебе надо спастись!

Берлага. Я сам знаю, что надо спастись. Скажи как?

Шурин. Ты не можешь заболеть на время чистки?

Берлага (*грустно*). Я здоров как бык.

Шурин. Так, так... Отпуска тебе, конечно, не дадут, пока не прочистишься. Есть такое правило... Плохо... Я тебе еще в 1911 году говорил: «Берлага, брось фабрику, открой муж-

ской, дамский и детский конфекцион готового платья». Не послушался.

Берлага. Кто мог знать, что начнется такая философия против частной собственности! (*Ломает руки.*)

Шурин. Надо было знать... Что ж, однако, с тобой делать? Уволиться тебе тоже нельзя. Есть такое правило: перед чистой не увольняют...

Берлага (*бьет себя по щекам*). С ума сойти можно.

Шурин (*настораживаясь*). Постой, постой. Как ты сказал?

Берлага. С ума сойти можно.

Шурин. Стоп, стоп... Погоди-ка... Да! Это мысль! (*Оживляется.*) Постой, не перебивай! Есть! Ты сходишь с ума. Понял? Ты сходишь с ума на какой-нибудь почве, и тебя отправляют в психиатрическую больницу.

Берлага. Но ведь я же здоров как бык.

Шурин. Ты ничего не понимаешь! Хороший сумасшедший всегда здоров как бык. Ведь тебя никто не может проверить!

Берлага (*задумчиво*). У одного моего знакомого был сумасшедший дядя, который воображал себя одновременно Авраамом, Исааком и Иаковом. Представляешь себе, какой шум он поднимал?

Шурин. И ты должен поднимать шум. Простейшая вещь! И пока там врачи разберут что к чему (наука тонкая, нежная, вообще никто ничего не понимает), чистка кончится. И ты

вернешься как ни в чем не бывало.

Берлага. Ох, трудная штука!

Шурин. Глупости! Тебе ничего не придется делать. Ты только должен всем и каждому кричать в уши: «Я Наполеон!» Или: «Я Эмиль Золя!» Или «Магомет», если хочешь!

Берлага (*неуверенно*). А вице-король Индии можно?

Шурин. Можно, можно. Сумасшедшему все можно. Ну! (*Ищет номер в телефонной книжке.*)

Берлага. Я...я...

Шурин. А, что с тобой говорить, с дураком! (*Снимает телефонную трубку.*) Два раза семьдесят восемь. Алло! Это психиатрическая? Скорее вышлите карету! (*Отпихивает ногой обезумевшего от страха Берлагу.*) Да, да... Ужасный бред величия... Конечно, бросается. Да. На родных бросается тоже. Был ягненок, а стал какой-то вепрь. Ага! Значит, не связывать? Это что, новые веяния? Ну так, пожалуйста, скорее!.. Ждем. (*Вешает трубку.*) Сейчас приедут.

Берлага. Что ты наделал? Я не хочу. Я здоров как бык.

Шурин. А первую категорию хочешь? Из профсоюза вылететь хочешь? Тоже, недавно один такой, как ты, пролетарий умственного труда, говорил на чистке: «Я родился между молотом и наковальней». А потом оказалось, что он имел большое кузнечное заведение.

Берлага. Я боюсь... Там же сидят настоящие сумасшедшие. Они меня укусят. Или будут щекотать.

Шурин. Погоди, вот тебя на чистке пощекочут. И укусят.

Ну! Выбирай, кто ты? Магомет? Или Этель Кинг, женщина-сыщик? Или пойдешь по стопам того сумасшедшего и будешь одновременно Авраамом, Исааком и Иаковом?

Берлага (*решительно крестится*). Так и быть. Вице-королем Индии.

Шурин. Валяй.

Берлага становится в позу. Хохочет. Рычит и подскакивает.

Не верю, не верю. Больше жизненной правды. Переживай, головоляп, по системе Станиславского. Слова, слова давай!

Берлага. Я вице-король Индии! Ха-ха!

Шурин. Бледно. Не верю, не волнует. Меня не волнует!

Берлага (*надсаживается*). Где мои слоны? Где мои верные магараджи?

Шурин. Уже лучше. Еще давай. Больше бешенства! Бешенства больше! Купечества! (*Берлага прыгает.*) Так, так... Рубашку на себе порви. Жалко? А по первой не жалко?

Берлага. Где мои верные наибы? Мои великие моголы! Мои набобы!.. И баобабы!

Шурин. Что, что? (*Берет бутылочку и читает этикетку.*) Лучшие копировальные железисто-галлусовые чернила первого класса! (*Мажет, Берлагу чернилами. Берлага жалобно хохочет. Слышен тревожный медицинский гудок санитарной кареты.*) Ложись на пол! Ну! Больше жизненной

правды!

Стук в дверь. Входят санитары.

Берлага (*ужасным голосом*). Я не более как вице-король Индии!

Санитары молча подхватывают Берлагу под руки.

Шурин. Вы с ним не церемоньтесь, товарищи! По шеям его! По шеям!

Санитар. У нас не полагается. Документы есть? Шурин. Пожалуйста!

Берлага (*вопит*). Где мои верные наибы, магараджи, мои абреки, мои кунаки, мои слоны!..

Санитары уводят Берлагу. Снова гудок.

Шурин (*задумчиво*). Вот про абреков и кунаков он напрасно. Они, кажется, на Кавказе водятся, а не в Индии. Ну, ничего! Для сумасшедшего сойдет!

Действие второе

Палата для больных с неправильным поведением в психиатрической больнице. Четыре койки. На трех из них лежат в халатах: Старохамский, Диванов и Тихон Маркович. Четвертая койка пуста. Стол. Диван. Входит старик-санитар с посудой, накрывает на стол. При виде санитаря больные вскакивают как по команде.

Старохамский (*стоит на кровати, задрапировавшись в одеяло*). И ты, Брут, проданся большевикам!

Санитар. Ладно, ладно, проданся и проданся.

Старохамский (*размеренно*). Холуй! Плебей! Илот! Не видишь, с кем разговариваешь? Перед тобой Кай Юлий Цезарь! Шапки долой!

Санитар (*расставляя тарелки*). А я и вовсе без шапки.

Старохамский. Дешевка! Вольноотпущенник! Когда римляне опомнятся и снова призовут меня к власти, я брошу тебя на съедение крокодилам! (*Демонически хохочет.*) Крокодилы любят есть низшее сословие.

Диванов (*стыдливо прикрываясь*). Не смотрите на меня такими глазами! Мне стыдно. Я голая женщина. Отвернитесь. Противный! (*Хихикает.*)

Санитар. Беспокойная палата. Во всем заведении нет хуже.

Диванов. Ваши ухаживания становятся несносными. Вы самец!

Санитар (*огорченно крутит головой*). Самец! Тут всего наслушаешься. Самые различные слова говорят, как в пивной. Пойду лучше в милицию служить, там много спокойнее и обмундирование нового образца выдали и жениховские перчатки.

Тихон Маркович (*быстро становится на четвереньки и, высоко подняв обтянутый, как мандолина, зад, отрывисто лает и разгребает пол задними лапами в больничных туфлях*). Гав, гав, гав!.. Р-р-р...

Санитар. Тьфу, черт! Я до сих пор не могу привыкнуть, каждый раз пугаюсь.

Диванов (*поет хриплым басом*). «Все говорят, я ветрена бываю, все говорят, что любить я не могу».

Старохамский. Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер. Скифов надо душить! И плебеев надо душить, чтоб не зазнавались!

Тихон Маркович (*заливисто лает*).

Санитар уходит. Больные сразу же успокаиваются.

Тихон Маркович (*поднимаясь на ноги, плачевным голосом*). Господа! Я больше не могу ходить на четвереньках! Это выше моих сил. И наконец, я охрип.

Диванов. Да, Тихон Маркович, лаять вы стали как-то то-

го... кисловато.

Тихон Маркович. Вы думаете, это легко? Весь день на четвереньках! Весь день на четвереньках! Смотрите, у меня на ладонях даже мозоли выскочили.

Диванов. Не надо было идти в собаки, не надо было прятаться в больнице.

Тихон Маркович. Легко сказать, не нужно было прятаться. Значит, по-вашему, господин Диванов, я должен был отправиться в банк и внести 48 000 налога по моему кустарному производству? Нет, я еще не сумасшедший!

Диванов (*совздохом*). Вам хорошо. В крайнем случае, вы получите «минус шесть», таким, как вы, больше не дают. Ну, и будете жить где-нибудь в Калуге или в Твери. А мне, дорогой песик, пять лет со строгой изоляцией – это минимум, понимаете, прожиточный минимум. (*Грустит.*)

Тихон Маркович (*ободряюще*). Зато ампула легкое – кокетливая дамочка, поет романсы...

Диванов. Романсы!.. (*Грустит.*) Да, я пою романсы, а на душе у меня клоака, понимаете, клоака!

Тихон Маркович (*рассудительно*). А вы б не вредительствовали – и не была б клоака.

Диванов (*задумчиво*). Сколько я вам сказал минимум? Пять лет? Гм. Если не все восемь. Одна надежда, что здесь отсижусь.

Тихон Маркович. Дай бог, дай бог. Пока удалось отлаться. Хорошо еще, что главный врач в отпуску. Говорят, вели-

кий дока на симулянтов.

Диванов. А мне и докторша что-то не нравится. Какая-то она слишком ласковая.

Старохамский (*приближается*). Ни черта она не понимает. Невежда. Советский вуз окончила. Можете себе представить ее научный багаж? Никакого багажа. Нет, нет, пропало дело народного образования в России, погибло! Все погибло!

Тихон Маркович. Я вам все-таки удивляюсь, мосье Старохамский, с вашим гуманитарным образованием вы могли бы иметь видное положение.

Старохамский (*трагически*). У большевиков? Ни-ког-да! Я был идеалистом, и я остался идеалистом. И даже сюда, в сумасшедший дом, я пошел по высоким идейным соображениям. Не-ет! С большевиками я жить не могу, уж лучше поживу здесь, рядом с обыкновенными сумасшедшими. Эти, по крайней мере, не строят социализма. И потом, здесь кормят, подчеркиваю, господа, совершенно даром кормят. Завтраки, обеды и ужины. А там, в ихнем бедламе, надо работать! Там даром ничего не дают! Но старый присяжный поверенный Старохамский на ихний социализм работать не будет. Слышите! Не будет!

Тихон Маркович (*всплескивает руками*). Ай-яй-яй, какая политическая целеустремленность!

Старохамский (*с жаром*). Здесь у меня, наконец, есть личная свобода! Свобода совести! Свобода слова! (*Через па-*

лату проходит санитар. Старохамский визгливо орет.) Да здравствует Учредительное собрание! Все на форум! И ты, Брут, проданся ответственным работникам! (*Оборачиваясь к собеседникам.*) Видели? Что хочу, то и кричу. А попробуйте на улице! В два счета напорешься на какого-нибудь пролетария!

Диванов (*подходит с картами в руках*). Ну, что вы всё о политике и о политике! Давайте перебросимся в шестьдесят шесть.

Старохамский (*оживляясь*). Без двадцати и сорока?

Диванов. Без двадцати и сорока.

Старохамский. По гривеннику очко?

Диванов. По гривеннику.

Старохамский. И второе из обеда?

Диванов (*секунду в нерешительности*). Идет, второе из обеда.

Садятся на кровать, сдают карты.

Тихон Маркович (*жалобно*). А я?

Диванов. Сегодня вы на стрёме, Тихон Маркович. Становитесь к дверям, а то кто-нибудь войдет.

Тихон Маркович. Всё я. Всегда я. Я и собака. Я и на стрёме.

Старохамский. Очень просто. Собака всегда на стрёме.

Тихон Маркович отходит к двери.

Диванов. Наша взятка... А это, будьте добры, мне... И это мне... И это... Эх, удачно вышло, что мы только втроем в этой палате, что среди нас нет ни одного настоящего сумасшедшего... Вам сдавать... Я, признаться, их побаиваюсь.

За сценой раздаются шум и протяжный крик Берлаги. «Больные» вздрагивают. Тихон Маркович начинает лаять. Старохамский быстро прячет карты под подушку. Все трое принимают соответствующие позы. Входят докторша и санитар.

Докт. Придется перевести его сюда, не то он нам всю палату перепугает. Не понимаю, что за последние два дня делается. Прямо какое-то нашествие буйных.

Санитар вводит Берлагу. На Берлаге халат. Он взъерошен, напуган и от этого еще больше нахален.

Докт. (*притрагивается рукой к пульсу Берлаги*). Ну, как вы себя чувствуете, голубчик? Вам лучше, не правда ли?

Берлага. Я вице-король Индии! Отдайте мне любимого слона!

Докт. Это у вас бред. Вы в лечебнице. Мы вас вылечим.

Берлага (*вызывающе*). О мой слон, мой любимый верный

белый слон!

Докт. Но ведь вы поймите, всё это бред, понимаете, бред!

Берлага. Нет, не бред!

Докт. Нет, бред.

Берлага. Выс ума сошли. Я вам говорю, не бред.

Докт. Нет, конечно, бред!

Берлага. Не бред. *(В сторону.)* Эх, была не была! *(Трусливо толкает докторшу в плечо.)* Эне, бене, раба, квинтер, финтер, жаба.

Старохамский *(Диванову)*. Кончилось счастье. Что ж теперь будет?

Диванов. Полный идиот.

Тихон Маркович. Гав-гав... Просто беда... Р-р-р... гав!..

Докт. *(Берлаге)*. Ну ладно, голубчик, вы, главное, успокойтесь. Здесь вам будет хорошо. Вечерком я к вам зайду. Мы поговорим. *(Уходит.)*

Берлага. А шурин не дурак. Шурин – это голова. *(Поворачивается и видит Кая Юлия Цезаря, который стоит в угрожающей позе.)* Ой! *(Отодвигается в сторону и чуть не попадает в объятия женщины-мужчины.)* Ой! *(Пятится назад и натывается на рычащего человека-собаку.)* Ой-ой! Буйные сумасшедшие! Эти придушат, не постесняются! Шурин, шурин, что ты наделал! *(В ужасе отпрыгивает. «Больные» принимают его движение как начало буйства и тоже пугаются.)* Гей, мои слоны! *(В страхе кричит.)*

Диванов *(своим)*. Этот в два счета придушит!

Старохамский (*довольно испуганно*). В чем дело? Нас все-таки трое, а он один.

Тихон Маркович (*трясаясь от страха*). Вы забываете, что у сумасшедшего силы удесятерятся. Я читал.

Диванов (*науськивает Тихона Марковича*). Куси, куси! Кусите же его, Тихон Маркович!

Тихон Маркович. Сами кусите. Нашли дурака.

Старохамский (*увлекая за собой остальных*). Карфаген должен быть разрушен! И Рубикон должен быть разрушен!

Надвигаются на Берлагу.

Берлага. Не трогайте меня! Я нервный! Я вице-король Индии! Где мои набобы, мои кунаки, мои зуавы!

Старохамский (*подступая*). Молчи, сволочь! Убью! Душу выну!

Диванов. Какой хорошенький мужчина! Поцелуй меня, котик!

Тихон Маркович лает и пытается укусить Берлагу.

Берлага в сильнейшем страхе прячется за кровать, выглядывая оттуда. Войнство возвращается на свои позиции.

Берлага (*в сторону*). Шурин, шурин! Что ты наделал! Они меня убьют. И в особенности этот собака. Несчастный я человек. (*Вдальнейшем следит за каждым движением соседей*)

по палате, что их особенно тревожит.)

Старохамский. Посадили психа на нашу голову. Вот не повезло.

Диванов. Так было хорошо втроем, и вдруг...

Старохамский. Погибло лечебное дело в России! Растоптано! Разрушено! Я всегда говорил, в Советской России все идет прахом. Не дают человеку покоя! Нет личного благополучия. Уничтожено! Растоптано. Как вам понравится? К трем нормальным людям посадили буйного сумасшедшего! И здесь я, безумец, хотел найти успокоение!

Тихон Маркович. Чего доброго, этот проклятый вице-король всех нас перекусает!

Старохамский. И перекусает. Будьте уверены.

Диванов. Говорите тише. Он может услышать. Вообще надо поосторожнее, чтоб его не рассердить.

Старохамский. И пусть слышит. Что он понимает, этот псих. Обратите внимание на его бессмысленную рожу.

Берлага. Новое дело. Они такие же сумасшедшие, как и я.

Старохамский. Сейчас мы его прижмем так, что он и пикнуть не посмеет.

Диванов. Нив коем случае, мосье Старохамский. Разве можно раздражать настоящего сумасшедшего? Это безумие! Форменное безумие! Прав был Тихон Маркович, когда говорил, что силы их удесятятся и даже удвадцатятся.

Тихон Маркович (*трусливо*). И потом, имейте в виду, они очень подозрительны и злопамятны. Единственный способ –

это не противоречить, во всем им подчиняться.

Берлага. Ах, подчиняться? Это уже лучше. (*Угрожающе рычит.*)

Тихон Маркович. Видите? Он что-то задумал.

Берлага выходит из-за кровати и медленно приближается.

Диванов. Только не противоречьте! Ради бога! Иначе прикончит!

Берлага (*ужасным голосом*). Я вице-король Индии, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая. (*Пауза.*) У меня привычка у-би-вать! (*Общий вопль ужаса.*) У вице-королей бывают такие привычки! (*Останавливает свой леденящий взор на Тихоне Марковиче.*)

Тихон Маркович от страха начинает лаять.

Старохамский (*закрывает ему рот ладонью*). Что вы делаете? На кого вы лааете? (*Берлаге, умиротворяюще.*) Он по глупости, ваше величество. Не обращайтесь внимания. Честное слово. Лаять на такую особу – это анекдот! (*Подхалимски смеется.*)

Санитар вносит обед и сейчас же уходит.

Берлага. Что это?

Тихон Маркович. Кушать подано.

Берлага (*слегким рычанием*). Да, да... вице-короли много кушают. (*Садится за стол. Диванов проворно садится рядом.*) У меня мания убивать таких, которые садятся в присутствии вице-короля. (*Диванов вскакивает. Берлага с жадностью ест. Остальные смотрят на него с тоской.*) Короли любят много и долго кушать. Они любят первое. Они любят второе. (*Естиз всех тарелок.*)

Старохамский (*Диванову*). А мы что?

Диванов. Честное слово. Я вас не понимаю. Пусть человек поест как следует. Поест и, может быть, подобреет.

Берлага. Я не слышу застольных песен. Где мой придворный певец? Даешь песню народностей из индийской жизни!

Тихон Маркович. Господа! Его нужно ублажить.

Старохамский (*Диванову*). Пойте скорей, не то, сами знаете... Силы их удесятерятся.

Диванов (*запевает колеблющимся голосом*). «Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в мире полуденном, далекой Индии чуде-е-ес!» (*Замолкает.*)

Берлага (*ворчливо*). Дальше. Про птицу.

Тихон Маркович (*суфлирует*). Есть там птица...

Диванов (*поет*). «Есть там пти-и-ица...»

Берлага (*капризно*). Так что же, есть там, наконец, птица или нету?

Старохамский (*поспешно*). Есть, есть, ваше величество, не извольте беспокоиться.

Берлага. Ф-фу, наелся. Отставить пение. Где моя любимая баядера? *(Пауза.)* Ну, где баядера?

Старохамский, Диванов *(вместе, выталкивая вперед Тихона Марковича)*. Вот, вот баядера! Идите, идите!

Тихон Маркович. Ей-богу, я не умею.

Старохамский. А силы вы забыли? Ведь удесятятся. Ну, что-нибудь. Танец с зонтиком. Из «Красного мака».

Тихон Маркович, перебирая толстыми ножками, выбегает на середину сцены.

Берлага. Отнесите меня на ложе, инкрустированное перламутровыми пуговицами.

Старохамский и Диванов бережно переносят Берлагу на кровать. Старохамский овеивает его носовым платком, Тихон Маркович исполняет неясный, но темпераментный танец. В конце танца он падает к ногам Берлаги и с внезапным удивлением заглядывает ему в лицо.

Тихон Маркович. Берлага!

Берлага. Что? *(Опомнившись.)* Что ты сказал, раб?

Тихон Маркович. Позвольте, позвольте, вы не сын Фомы Берлаги?

Берлага. Сын. То есть я вице-король Индии.

Тихон Маркович. Посмотрите на меня хорошенько.

Неужели вы меня не узнаете? Я Тихон Маркович Мармеламедов, бывший компаньон вашего отца. У нас же был торговый дом «Мармеламедов, Берлага и сын». И вы были сын. Но вы тогда были маленький.

Входит шурин с передачей.

Шурин. Здесь помещается больной Берлага? А, здравствуй, как ты себя чувствуешь?

Берлага. Отлично.

Шурин. Тем лучше. Произошло ужасное несчастье. Почему-то в учреждении циркулирует слух, что ты симулируешь. Это тем более странно, что я никому, ей-богу, ни одной живой душе, кроме Подвысоцкого, Бомзе, Сахаркова, Борисохлебского и Пабирухина, не говорил ни слова. И теперь комиссия по чистке прислала сюда, в больницу, бумагу с просьбой проверить. Сейчас тебя будут испытывать разными новейшими аппаратами.

Берлага. Какими угодно. Лишь бы не аппаратом РКИ.

Шурин (*грустно*). Я не хотел тебя сразу пугать, но, понимаешь, Берлага, там, кажется, даже наверное, будет представитель РКИ.

Берлага. Ой-о-о-ой! Какое время! Какое ужасное время! Так бы и дал самому себе по морде. (*Бьет себя по щекам.*)

Шурин (*бодро*). Я исполняю свой долг как гражданин и шурин, я тебя предупредил. А теперь я пошел. Оставляю те-

бе передачу. Пока. (*Уходит.*)

Входит докторша со студентами.

Докт. Пожалуйте, товарищи. Это наиболее любопытная палата в нашей больнице. (*Цезарь, собака и женщина принимают свои позы. Берлага еле успевает спрятать книжку в карман. Докторша обращается к Берлаге.*) Не правда ли, вы чувствуете себя лучше?

Берлага. Не подходите ко мне. У меня сумеречное состояние души.

Докт. Какое? Какое?

Берлага (*отворачивается и смотрит в книжку. Потом рапортует*). Шизофренический бред, осложненный маниакально-депрессивным психозом.

Докт. (*студентам*). Это становится любопытным.

Берлага (*с лихорадочной поспешностью*). Я вице-король Индии, то есть Кай Юлий Цезарь!.. Я Генрих Юлий Циммерман... Я голая женщина, не смотрите на меня. Я собака, слышите, я дворняжка. Меня зовут Полкан (*чешется, лает, воеет и т. д.*). Я настоящий сумасшедший.

Докт. Так оно и есть. Откровенная и наглая симуляция.

Берлага продолжает кипятиться.

Докт. Хватит. Не стоит тратить силы. (*Санитарам.*) Вы-

ведите его.

Берлага. Не троньте меня. Я готовился по источникам. (*Ужасным голосом.*) Мосье Старохамский, что же это такое? Я же упражнялся по вашей книжке.

Старохамский. Молчи, плебей! Я Юлий Цезарь! Ей-богу, я ему никакой книжки не давал.

Тихон Маркович (*Диванову*). Я говорил, что он нас всех погубит. (*Пытается укусить Берлагу.*)

Берлага. Перестаньте валять дурака. Тоже, сумеречное состояние души. Погубил меня, а теперь лает.

Старохамский, Диванов, Тихон Маркович. Он врет!

Берлага. А книжка? (*Показывает книжку.*) Все они симулянты! Один я настоящий сумасшедший.

Докт. (*лекторским голосом*). Сегодняшняя лекция, товарищи, будет интереснее, чем я предполагала. Перед вами – четыре особенно интересных экземпляра. (*Показывает на Берлагу.*) Этого вы уже видели и, можно надеяться, хорошо запомнили эту разновидность нашкодившего бюрократа, вся жизнь которого направлена к тому, чтобы куда-нибудь втереться. И в свое время он втерся в учреждение. Сейчас он хотел втереться в нашу больницу. Этот (*показывает на Диванова*) субъект более опасный. Вы обратили внимание? Он не буйствовал. Он держался весьма хитро. «Не смотрите на меня, не приглядывайтесь ко мне». Очевидно, таким же ласковым он был и на предприятии. И не сразу удастся заметить, чем эти тихони занимаются на самом деле. Теперь че-

ловек-собака. (*Показывает на Тихона Марковича.*) Тут уже полная аналогия. Обычно он стоит на задних лапах, но стоит только обернуться к нему спиной – и он пытается укусить. И наконец, самый сложный тип! (*Показывает на Старохамского.*) Он сам завел себя в сумасшедший дом, и ему, с его жалкими идейками, действительно тут и место.

Вбегает шурин.

Шурин (*кричит*). Берлага! Всё в порядке! Уже!

Берлага (*уныло*). Что «уже»?

Шурин. Уже. Вычистили заочно.

Берлага. Здесь тоже уже. Вычистили.

Шурин. Потому что ты дурак и никогда меня не слушался. Я говорил, что надо было быть Магометом или Эмилем Золя. А ты не послушался.

Занавес